

М.В. Строганов¹

*Государственная академия славянской культуры
(Москва)*

**НАРОДНАЯ ПЕСНЯ, И.В. ПАВЛОВ
И ПОВЕСТЬ М.Е. САЛТЫКОВА «ЖЕНИХ»**

В статье рассматривается повесть М.Е. Салтыкова «Жених», текст которой насыщен народными песнями. Точная их идентификация показывает, что писатель отбирал произведения, имевшие в литературе определенную репутацию. Культ народной песни, свойственный 1850-м гг., особенно поддерживался в среде молодых славянофилов, в частности, в «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Посвящение повести «Жених» И.В. Павлову, издателю газеты «Московский вестник», помогает понять, что идеологическая позиция Павлова и Салтыкова была противоположна славянофильству, что и отразилось в наборе песен.

Ключевые слова: И.В. Павлов, народная песня, славянофильство, радикализм, литературный анекдот, «Москвитянин», «молодая редакция».

M.V. Stroganov

*State Academy of Slavic Culture
(Moscow)*

**FOLK SONG, I.V. PAVLOV
AND SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE SUITOR"**

The article deals with Saltykov-Shchedrin's novel "The Suitor" whose text is saturated with folk songs. Their accurate identification shows that the writer selected the songs that had a certain reputation in literature.

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор, директор научно-исследовательского Центра краеведения и этнографии Государственной академии славянской культуры (Москва), заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора (Москва), mistro@rambler.ru.

The cult of folk songs typical of 1850s had a special support among young Slavophiles, and even more so was it maintained by “young editors” in the “Moskvityanin” magazine. The novel’s dedication to I.V. Pavlov, the publisher of the “Moskovsky Vestnik” (Moscow Gazette), helps us to realize that Pavlov’s and Saltykov-Shchedrin’s ideological standing was the opposite of Slavophilia, which is reflected in the selection of songs.

Key words: I.V. Pavlov, a folk song, Slavophilia, radicalism, literary joke, “Moskovityanin”, “young editors”.

M.V. Stroganov

*State Academy of Slavic culture
(Moscow)*

FOLK SONG, I.V. PAVLOV AND SALTYSKOV-SHCHEDRIN’S NOVEL “THE SUITER”

This paper deals with Saltykov-Shchedrin’s novel “The Suiter” whose text is full of folk songs. Their accurate identification shows us that the writer picked out those works that had a bit of a reputation. The cult of folk songs (which was very peculiar to 1850s) was maintained by the Slavophile youth, especially by the “young editors” working in the “Moskvityanin”. The novel’s dedication that was addressed to I.V. Pavlov, the publisher of the “Moskovsky Vestnik” can help us to understand that the ideological viewpoints of Pavlov and ovSaltykiv-Shchedrin was opposite to Slavophilism, which affected the choice of songs.

Key words: I.V. Pavlov, folk song, Slavophilism, radicalism, literary joke, “Moskovitjanin”, the “young editors”.

Повесть «Жених» (1857), посвященная И.В. Павлову, не входит в число самых известных произведений Салтыкова, поэтому нам придется коротко напомнить ее сюжет. Главный герой Вологжанин приезжает в губернский город Крутогорск на поиски выгодной партии. Сделав смотр потенциальным невестам, он останавливается на Феокисте Порфирьевне Порфирьевой (Тисочке), полагая за ней большое приданое. В Тисочку безнадежно влюблен

форштмейстер капитан Павел Семенович Махоркин¹, который выражает свою любовь с помощью русской песни. Но она выходит замуж за Вологжанина, которого отец Тисочки обманывает в приданом, Махоркин же, потерпев неудачу на любовном поприще, погибает.

В повести большое число эпизодов, в которых описывается пение и перечисляются песни. Но научного осмысления этого факта в литературе нет. Лишь комментаторы текста Д.И. Мишнева и Н.Е. Прийма говорят, что «эти песни встречаются во многих сборниках и публикациях конца XVIII – начала XIX в.» и приводят «уточненные или более полные и распространенные варианты названий песен с указанием первых или ранних публикаций их в сборниках, которые могли быть известны Салтыкову» (4, с. 527). Они также отмечают, что упоминаемые «в рассказе русские народные песни являются одним из источников для характеристики фольклорных интересов Салтыкова» (4, с. 527).

Но большинство уточнений в названиях песен, сделанных Д.И. Мишневой и Н.Е. Приимой, не могут быть признаны удовлетворительными и требуют пересмотра. К тому же утверждение, что перечисляемые в повести песни характеризуют «фольклорные интересы Салтыкова», нуждается в основательном переосмыслении. Даже без специального анализа ясно, что если тот или иной фольклорный текст упоминается в произведении как средство характеристики персонажа, это не значит, что он свидетельствует и о взглядах автора. Без внимания остался и вопрос, почему повесть посвящена И.В. Павлову, которого комментаторы, вслед за С.А. Макашиным, назвали литератором славянофильского лагеря.

¹ Махоркин служит по Лесному департаменту, который был создан в России в 1798 г. С 1826 г. губернские чиновники лесного управления – оберфорштмейстеры и форштмейстеры лесных дач – стали называться губернскими, учеными и окружными лесничими, с 1839 г. они входили в военизированный Корпус лесничих. Махоркин назван и форшмейстером и капитаном, таким образом, Салтыков совмещает понятия разного времени – прием, который он использовал в «Истории одного города».

1. Комментарии к песням

Сначала восстановим все сцены с исполнением песен. Экспозиция капитана Махоркина в повести представлена следующим образом:

«В одну теплую и лунную ночь, когда он <Вологжанин>, провозжая Порфирьевых из загородного сада, по обыкновению суегился около их экипажа, подсаживая Софью Григорьевну и Феоктисту Порфирьевну, из-за угла внезапно появился огромный мужчина, который, при лунном освещении, показался Вологжанину саженей шести ростом, и сильным голосом сказал:

– Не опасайся, божественная Феоктиста! Друг твой бодрствует над тобой!

И вслед за тем звучным голосом запел:

Спи, ангел мой, спи, бог с тобой!» (4, с. 29).

Первая песенная цитата не прокомментирована, а наши разыскания не выявили фольклорных источников. Словосочетание *спи, ангел мой* достаточно часто встречается в поздних колыбельных песнях, но оно никогда и нигде не соединяется с сочетанием *спи, бог с тобой*. Между тем в повести Н.В. Успенского «Из дневника неизвестного» (1862) героиня также поет: «Спи, ангел мой, спи, бог с тобой» [Успенский, 1957, с. 191]. Кроме того сам Салтыков приводит ту же самую строчку в более поздней книге «За рубежом» (1881): «Вообще я давно заметил: воротишься домой, ляжешь в постельку, и начнет тебя укачивать и напевать: „Спи, ангел мой, спи, бог с тобой!“» (14, с. 242). Мы пока не смогли выяснить происхождение этой певческой цитаты и можем только указать, что по своему строению она очень похожа на оперную арию, которые часто состоят из коротких стихотворных строк:

Спи, ангел мой,
Спи, бог с тобой!

Рассказ Н. Успенского особенно убеждает в этом предположении, поскольку в нем несколько раз цитируются разного рода произведения, вошедшие в круг массовой культуры.

Махоркин в повести показан как нелюдим, в свой дом он допускает только одного знакомого по фамилии Рогожкин: «И тогда начиналась у них молчаливая, сердечная беседа, которая наводняла

сердце Махоркина целыми потоками жгучих радостей. Молча подавал он Рогожкину гитару и молча же садился против него, упираясь в колена локтями и поддерживая ладонями свою голову. Рогожкин был мастер играть на гитаре и охотно пел русские песни под звуки ее. Голос у него был немудрый, сиповатый и жиденький, а пел он все-таки хорошо; казалось, вся его маленькая душа поселялась исключительно в русскую песню, и от этого самого он сделался неспособным ни на что другое. Маленькие глаза его, которые я однажды уже уподобил глазам пшеничного жаворонка, изображаемым можжевелевыми ягодами, теряли свой ребяческий глянец и принимали благодушно-грустное выражение. Начинал он обыкновенно с «Дороженьки», потом переходил к «Исполать тебе, зеленому кувшину», потом запевал «Веселая беседушка, где батюшки нет», потом «Уж как пал туман», и так далее, пока не истощался весь репертуар» (4, с. 31-32).

Песня «Дороженька» – это «Не одна во поле дороженька пролежала», опубликованная впервые Д.Н. Кашиным в 1830-е гг. [Русские народные песни, 1833, № 20]. Салтыков, конечно, знал эту популярную песню в живом исполнении. Но упоминает он ее в первую очередь потому, что после рассказа И.С. Тургенева «Певцы» (1850) она входила в «джентльменский набор» фольклорных песен. Упоминание «Дороженьки» свидетельствует не о личных пристрастиях Салтыкова, а о репрезентативности этой песни. Дело в том, что в рукописях рассказа «Певцы» и в тексте, который был опубликован в «Современнике», герой пел песню «При долинушке стояла». Но В.А. Инсарский заметил Тургеневу, что эта веселая, почти плясовая песня не может возбудить элегическое настроение и предложил заменить ее более глубокой «Дороженькой», которую тут же и спел. И в цензурную рукопись «Записок охотника» Тургенев вставил «Дороженьку», которая больше соответствовала его замыслу и ярче контрастировала с песней рядчика. Известно также, что Тургенев устроил состязание певцов: К.А. Горбунова, исполнявшего русские песни (в том числе «Дороженьку»), и Л.А. Жемчужникова, исполнявшего песни украинские, и, как следует полагать, он организовал это состязание для проверки указаний В.А. Инсарского [Гришунин, 1979, с. 492-493].

Песню «Исполать тебе, зеленому кувшину» комментаторы связывают с песней «Да спасибо же тебе, синему кувшину» и

называют ее фольклорной. В действительности это не фольклорная, но авторская песня Н.Г. Цыганова, вошедшая в песенники уже в 1850-е гг. Песня была впервые опубликована в 1828 [Цыганов, 1828, с. 100], а вторично – в собрании сочинений Цыганова в 1834 г., причем эти редакции существенно отличаются друг от друга. Приводим фрагмент редакции 1834 г.:

Ах, спасибо же тебе,
Синему кувшину,
Разгулял ты мою
Горькую кручину;

Знаться б мне давно с кувшином,
Горе б по ветру неслоь,
Ретивого б не сушило,
В русы кудри не ввилось.

<.....>

От сего же я часа
Уж не сдамся ласкам,
Не поверю я, краса,
И твоим уж глазкам.

Лишь у синего кувшина
Буду радости просить,
С ним обнявшись, сиротина,
Буду ждать, как смерть скосит.

Ах, спасибо же тебе,
Синему кувшину,
Разгулял ты мою
Горькую кручину! [Цыганов, 1965, с. 287].

Мы не можем судить, знал ли Салтыков, что песня о кувшине не является собственно фольклорной, но важнее другое. Чтобы у читателя повести не оставалось сомнений в том, чем наполнен кувшин, Салтыков сообщает ему эпитет *зеленый*, который ни разу не встречается ни в опубликованных текстах Цыганова, ни в ее народных

вариантах. Здесь мы вновь видим тот же принцип использования фольклорной песни: не выражение фольклорных предпочтений, а сюжетная характеристика героя и ситуации.

Песню со строкой «Веселая беседушка, где батюшки нет» комментаторы идентифицируют как песню «Подуй, подуй, мать погодушка, низовенькая», которая впервые была опубликована Ф. Студитским в 1841 г., хотя Студитский опубликовал эту песню с другим зачином: «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет» [Народные песни, 1841, с. 104]. Песня эта была очень популярна в фольклорном репертуаре [Песни, собранные П.В. Киреевским, 1917, № 1309, 1419, 1481, 1665, 1680, 1853, 1905, 2519, 2664]. Следует учесть, что Т.И. Филиппов опубликовал эту песню в своем сборнике народных песен со следующим примечанием: «Очень распространенная. В первый раз слышал в Ржеве» [Тюрина, 2006, с. 183]. Это значит, что Филиппов мог исполнять ее во времена своих знаменитых концертов. Об этом отчасти свидетельствует тот факт, что А.Н. Островский включил переработку второй части песни в пьесу «Бедность не порок» (1853). Однако ни в одной из известных нам записей этой песни нет той строчки, которую приводит Салтыков. Приведем основные варианты, которые можно соотнести с текстом повести:

1) Веселая беседушка, где батюшка пьет.

Он пить не пьет, родимый мой, за мной, младой, шлет.

2) Смирная беседушка, где батюшка мой;

Веселое гуляньице, где миленький пьет.

Он пить не пьет, разлюбезный мой, за мной, младой, шлет.

3) Веселая беседушка, где мой милый пьет.

Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, младой, шлет.

4) Широкой дороженькой, где миленький шел;

Веселой компаньей, где миленький пьет...

Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, младой, шлет.

5) Не весела компаньица, где милого-то нет;

Веселая беседушка, где миленький пьет.

Он да не пьет, голубчик мой, за мной, младой, шлет

[Великорусские народные песни, 1896, с. 216-222].

Как можно судить, Салтыков не сознательно переделывал текст песни, а просто ошибся при цитировании, и причина этой

ошибки – сочетание «пить не пьет», которое повторяется практически во всех вариантах.

Последняя песня в процитированном выше фрагменте – «Уж как пал туман». Комментаторы считали, что она впервые была опубликована в 1810 г. [Новейший и полный российский песенник, 1810, с. 169]. Однако песня «Уж как пал туман» была хорошо известна в печати с XVIII в. [Чулков, 1773, с. 427-428], и авторскую переработку ее опубликовал Н.А. Львов [Львов, 1791, с. 341-342; Милюгина, 2008, с. 181-182].

Легко заметить, что движение от песни «Дороженька» к песне «Исполать тебе, зеленому кувшину» напоминает в известной степени рассказ Тургенева «Певцы». После исполнения Яковом Турком «Дороженьки» рассказчик говорит: «Я еще раз взглянул на Якова и вышел. Я не хотел остаться – я боялся испортить свое впечатление <...> Долго я не мог задремать; долго звучал у меня в ушах неотразимый голос Якова... <...> из недалекого, ярко освещенного кабака неся нестройный, смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова. Ярый смех по временам поднимался оттуда взрывом. Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу. Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: всё было пьяно – всё, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары» [Тургенев, Сочинения, 1979, с. 223-224]. К этой параллели мы еще вернемся.

Пение сопровождает героев повести «Жених» и далее: «В этот же день, когда Рогожкин, возвратившись из двухчасового отпуска, начал петь “Не березонька с березкой свивалася”, Махоркин бросился на него как иступленный и зажал ему рот, но потом как будто очнулся, отошел от него и, сказав: “Пой!” начал слушать стоя. Но когда дошло до стиха: “Ты прощай, прощай, моя любушка”, то Махоркин вдруг повалился всей тушей на кровать, и захватывающие душу рыдания огласили в первый раз домик Шумиловой» (4, с 33).

Достаточно редкая песня «Не березонька с березкой свивалася» не прокомментирована в Собрании сочинений. Впервые она была опубликована в 1821 г. в адресованном «милым девушкам и любезным женщинам» «Новейшем туалетном песеннике» [Новейший

туалетный песенник, 1821, с. 173; Великорусские народные песни, 1899, с. 388]. Но цитируемая строчка «Ты прощай, прощай, моя любушка» взята из второй публикации песни в книге А.В. Терещенко «Быт русского народа» (1848). В публикации 1821 г. эта строка читалась иначе: «Ты прости, прости, моя любушка, моя белая лебедушка!». Приводим текст песни, вызвавшей столь бурную реакцию героя:

Не березонька с березкой свивалася,
 Не девушка с молодцом совыкалася;
 Совыканьице было с дружкой тайное,
 Расставанье же с дружкой было явное.
 Отъезжает мой любезный во путь во дороженьку;
 Хоть не в дальнюю, любезный! Жаль мне и тошненько.
 Он запел, мой дружок, запел с горя песенку:
 – Ты прощай-ка, прощай, прощай, моя любушка!
 Ты прощай-ка, моя сизенька голубушка!
 Наживай-ка ты себе дружка иного –
 Буде лучше наживешь, меня позабудешь;
 Буде хуже наживешь, меня вспоманешь.
 Приезжай-ка, мой любезный, жить-то мне тошненько.
 Надорвется живот, живот и сердце плачут,
 Все тебя, мой друг, дожидают!
 Со восточныя, мой милой, со сторонушки,
 Со любезныя пути-дороженьки [Терещенко, 1848, с. 334]¹.

Книга А.В. Терещенко, написанная с позиций «официальной народности», была явлением массовой культуры, уже в то время спекулировавшей на интересе к народности. По поводу этой книги К.Д. Кавелин написал резко отрицательную и, в целом, совершенно справедливую статью, которая стала первой попыткой разработки этнографического материала в России. Статья была напечатана в 1848 г. в журнале «Современник», и Салтыков несомненно читал ее.

В следующих двух эпизодах повести «Жених» песни характеризуют не героя как такового, а определенные его состояния.

¹ При цитировании этой песни мы восстанавливаем нарушенное у А.В. Терещенко деление песни на строки, что мешало адекватному восприятию ее.

Один из важных матримониальных эпизодов сопровождается пением народной песни, на этот раз – видимо, Махоркиным: «Однажды и сам Порфирий Петрович, пересчитывая ночью деньги, слышал, как некто ходил по тротуару около его дома и пел:

Во поле березонька стоя-а-а-ла,
Во поле кудрявая стоя-а-а-ла.

И так как в это время к Тисочке сватался шестидесятилетний ассессор казенной палаты Чигунов, то Порфирий Петрович не без основания заключил, что слова песни

Встань ты, старый черт, проснися!
Борода седая, пробудися!

– относятся не к чему иному, как к оскорблению чести вышереченного Чигунова» (4, с. 34).

Здесь цитируется песня «Во поле березонька стояла», которая впервые была опубликована Н.А. Львовым в 1790 г., но у Львова обращение к мужу звучит более мягко: «Встань ты, мой старой, проснися», а текст отличается от цитируемого в повести [Собрание народных русских песен с их голосами, 1790, № 6; Собрание русских народных песен с их голосами, 1806, № 6]. Ясно, что эту популярную песню Салтыков слышал и в устном исполнении. Как и предыдущая песня «Не березонька с березкой свивалася», песня «Во поле березка стояла» выполняет сюжетную функцию, развивает события и показывает отношения героев друг к другу.

Наконец, в кульминационный момент повести Махоркин, слушая песни, переживает потерю Тисочки: «Рогожкин начал петь и пел в этот раз действительно удачнее обыкновенного. Он чувствовал, что в эту минуту он обязан употребить нечеловеческие усилия, чтоб удовлетворить своего господина. Пел он песни всё грустного содержания: про старого мужа-негодяя, который “к устам припадает, словно смолой поливает”, про доброго молодца, приезжающего, с чужой дальней сторонюшки, на могилу своей красной девицы, своей верной полюбовницы.

Расступись ты, мать сыра-земля!
Ты раскройся, гробова доска!
Пробудись ты, душа-девица!
Ты простися с добрым молодцом,

С добрым молодцом, другом милым,
С твоим верным полюбовником» (4, с. 55-56).

Песня «про старого мужа-негодяя, который “к устам припадает, словно смолой поливает”» – это вариант песни «Во поле береза стояла»:

Невызревшей рябинушки
Нельзя заломать,
Не выросшей девушки
Нельзя замуж взять.
Я пойду, рябину заломаю,
Сделаю я два гудочка,
Стану я старого будити...

Далее сюжет песни развивается, как и в песне о березе. Завершается она противопоставлением «старого мужа» и «ревнюшки» (ревнюшки):

Стар муж на руку ложится,
Словно колода валится,
Ревнюшка на руку ложится
Легче пера ли лебединого;
Старый муж к устам припадает,
Словно смолой поливает,
Ревнюшка к устам припадает,
Словно медом поливает [Рыбников, 1864, с. 453-454].

Сейчас трудно объяснить, почему Салтыков написал, что эта песня «грустного содержания»: в современной классификации необрядовых песен она относится к частым, плясовым, высмеивающим «старого мужа», при пении совершаются игровые действия, которые иллюстрируют содержание. Более того, мы не можем установить, была ли напечатана эта песня до повести «Жених». Как и в других случаях, можно предположить, что Салтыков слышал песню в живом бытовании, но включал в свой текст те, которые уже были использованы в литературе.

Песенную цитату «Расступись ты, мать сыра-земля!..» комментаторы идентифицируют как «заключительные строки песни «Как по матушке, по Неве-реке» (Собрание разных песен. М.Д. Чулков. СПб. 1770, ч. II, № 177)» (4, с. 527). Между тем самый близкий вариант мы находим в собрании Н.А. Львова:

Расступися ты, мать сыра земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица,
Ты простишь со мной с добрым молодцом,
С добрым молодцом с другом милыим,
С твоим верным полубовником [Собрание народных русских песен с их голосами, 1790, № 22; Собрание русских народных песен с их голосами, 1806, № 22].

Итак, мы видим, что подбор песен не может свидетельствовать о фольклористических пристрастиях Салтыкова. Первое и самое очевидное назначение песен – создать образ героя, который через эти песни осознает свою любовную неудачу. У Махоркина нет своего языка, чтобы выразить любовные чувства, и он прибегает к песне как языку массовой культуры. При этом Махоркин в основном только слушает песни, он сам даже с их помощью не может передать свои чувства и, только слушая песни, усваивает язык чувств¹.

Вместе с тем, как мы заметили, большинство песен, выбранных Салтыковым для характеристики своего героя, уже были использованы в литературных и публицистических произведениях. Можно сказать, что эти песни были растиражированы литературой и стали обиходными обозначениями собственно народной песни, хотя не все они народные по своему происхождению. Это своего рода массово узнаваемый сигнал народности.

2. Комментарий к посвящению

Народность была предметом внимания и теоретиков «официальной народности», и славянофилов, и западников. Вопрос о народности в данном случае актуален потому, что повесть «Жених» посвящена И.В. Павлову, которого С.А. Макашин [Макашин, 1972, с.

¹ Мы не анализировали еще две песни: «песню о чижике» (4, с. 45), которую «барабанит по коленке» Порфирий Петрович, и песню «Я вечер в саду, младшенька, гуляла», которую вспоминает Вологжанин (4, с. 37). Обе эти песни могли бы стать предметом специального разыскания.

147-161], а вслед за ним и другие авторы называли славянофилом, хотя почти никто не уделял ему специального внимания¹.

Обычно пишут, что Иван Васильевич Павлов (6.04.1823, Мценский у. Орловской губ. – 1904) – врач, литератор, близкий знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова и многих других деятелей литературы середины XIX в. Но остальная информация о Павлове требует тщательной проверки. Например, во всех справках сообщается, что А.И. Герцен назвал Павлова «замечательно умным молодым человеком». Но в дневнике Герцена 29 ноября 1844 г. читаем: «Встретил, в числе слушателей Глебова, одного замечательно умного молодого человека и с горестью наглазно измерил, сколько свободного и благородного задавили в нас опыт и гонения. Этот молодой человек открыто, прямо говорит свои убеждения, не кастрируя каждую мысль, не оглядываясь воровски». В примечании к этому фрагменту комментаторы пишут: «Вероятно, Герцен имеет в виду Ивана Васильевича Павлова. Павлов Иван Васильевич, студент Московского ун-та в начале 40-х годов, друг М.Е. Салтыкова» [Герцен, 1954, с. 390, 480]. Таким образом, нет оснований утверждать, что речь идет именно о Павлове, но составители биографических справок забывают слово *вероятно*.

Павлов родился в дворянской семье в Мценском уезде Орловской губернии (в литературе встречаются два указания на принадлежавшее ему имение: либо Шишкино, ныне деревня Большекуликовского с/п, либо Уптуха, ныне железнодорожная станция, на р. Уптухе), учился в Дворянском институте, откуда в 1838 г. вместе с Салтыковым был переведен в Царскосельский лицей. Но 15-тилетний Павлов был зачислен на XII курс, Салтыков же, которому шел только 13-й год, стал воспитанником XIII курса. В лицее Павлов пережил увлечение идеями М.В. Бугашевича-Петрашевского, что, возможно, отразилось на его поведении, и весной 1842 г. он был исключен из лицея за какой-то «дерзкий поступок» [Макашин, 1949, с. 98–101, 441]. Осенью того же года он поступил в Московский университет, где учился сначала на естественнонаучном отделении

¹ Наиболее обстоятельный очерк жизни и творчества Павлова см.: [Мостовская, 1982]. См. также Указатели имен [Макашин, 1949; Макашин, 1972].

философского факультета, а потом на медицинском факультете. В университете Павлов сблизился со своими земляками П.И. Якушкиным, М.А. Стаховичем, П.Г. Заичневским, Н.К. фон Рутценом. В университет он поступил, потому что не завершил курс обучения в лицее, но выбор профессии непонятен и похож на вызов обществу. Герцен, положим, тоже изучал медицину, но врачом становиться не собирался. Русские дворяне в 1840-е гг. не часто поступали в университет для получения медицинского образования. Однако Павлов сделал этот выбор вполне сознательно, причем в возрасте, когда его современники оканчивали обучение, в 19 лет, по тем временам вполне зрелым человеком. Учась в университете, Павлов вошел и в литературные круги.

В дневнике Герцена мы находим две записи, в которых Павлов назван вполне определенно. Первая запись от 16 декабря 1844 г.: «Вспомнил мысль, резко высказанную Павловым (студентом). Он называет всемирный процесс химизмом, двуначальный химизм неорудной природы и многоначальный – орудной; так что последний результат – мышление и человек. Человек – высшее равновесие и взаимодействие составных радикалов, малейшее неравновесие – животное, ряд неравновесий – ряд животных; прочность покупается степенью понижения, например, амфибии, устранение слабости дает крепость, приближающую к минералу, и пр.» [Герцен, 1954, с. 396]. Вторая запись относится к 13 февраля 1845 г.: «Иван Васильевич Павлов рассказывал, как были приняты студентами мои статьи в “Отечественных записках”, – признаюсь, мне было очень весело слышать, большей награды за труд не может быть. Юноши тотчас оценили, в чем дело, и гурьбою ходили в кондитерские читать. Грановский пользуется между студентами чрезвычайным авторитетом, для них – мера, к которой прикидывают других профессоров» [Герцен, 1954, с. 404]. Эти записи показывают Павлова как молодого материалиста, который, подобно самому Герцену, ориентирован на философское осмысление явлений природы. В первой записи Герцена очень примечательно слово *резко*: оно означает и ‘резко определенно’, и ‘прямо, грубо’. Судя по всему, Павлов сознательно говорил и поступал резко определенно и резко без деликатничания.

Летом 1845 г. семья Герцена жила на даче в подмосковном селе Соколове. Сам Герцен в дневнике не упоминал Павлова в числе своих посетителей, но П.В. Анненков писал: «В середине лета подмосковное село это образовало нечто вроде подвижного конгресса из беспрестанно наезжавших и пропадавших литераторов, профессоров, артистов, знакомых, которые, видимо, все имели целью перекинуться идеями и известиями друг с другом». Вслед за этим, назвав И.И. Панаева и Н.А. Некрасова, Анненков пишет: «Затем Ив. Вас. Павлов, здесь впервые мною и встреченный и поражавший оригинальной грубостью своих приемов, под которыми таилось у него много мысли, наблюдения, юмора и т.д.» [Анненков, 1983, с. 257-258]. Сам Павлов в письме к А.И. Малышеву от конца июня 1845 г. рассказывал о пребывании Некрасова в Соколове: «У Герцена мы нашли Некрасова и попойку. Мы с Некрасовым забавляли честную компанию похабными анекдотами и песнями. Мои глубокие познания по этой части поразили всех! В особенности Некрасов был восхищен и беспрестанно приговаривал: “Нет, этого-то я уж не знаю”» [Баландин, 1969, с. 45]. После этого Некрасов в середине июня жил несколько дней на квартире Павлова в Москве и весьма откровенно рассказывал о своих холостяцких похождениях [Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова, 2006, с. 182-183]. В июне 1845 г. между Павловым и Герценом происходит какой-то конфликт, а 13 августа Павлов сообщает Малышеву, что окончательно разошелся с Герценом [Летопись жизни и творчества А.И. Герцена, 1974, с. 340-341, с. 342].

По окончании в 1850 г. Московского университета Павлов получил звание уездного врача и был определен на службу в Оренбург, врачом к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому. Об оренбургском периоде его жизни мы знаем только, что Павлов, по воспоминаниям К.И. Герна, ходатайствовал перед В.А. Перовским об облегчении участи ссыльного Т.Г. Шевченко [Т.Г. Шевченко, 1898]. В Оренбурге Павлов служил недолго, и уже в конце 1853 г. по собственной просьбе был переведен окружным врачом в Орловскую губернию. Выхал Павлов в Орел с женой

Надеждой Николаевной (урожденной Павловой) и двумя детьми [Оренбургская Шевченковская энциклопедия]¹.

Живя в Орле, Павлов знакомится и сближается с И.С. Тургеневым, на которого производит, видимо, сильное впечатление. Во всяком случае, в формулярном списке действующих лиц романа «Отцы и дети» Тургенев писал о Базарове: «В университете занимался естественными науками, философией. Нигилист. Самоуверен, говорит отрывисто и немного – работающ. – (Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского.)» [Тургенев, 1986, с. 566]. Сохранившаяся переписка Павлова с Тургеневым относится к периоду издания газеты «Московский вестник». Особо следует сказать о конфликте 1861 г. между Тургеневым и Н.А. Основским, который вместе с Павловым издавал «Московский вестник»². П.В. Анненков вспоминал: «Как удивились приятели Тургенева, рассчитывавшие на его поддержку в их расчете с Основским, когда получили от него формальный отказ участвовать в каких-либо заявлениях и протестах против издателя, нанесшего такой ущерб ему и погубившего целое предприятие! В числе негодующих тогда находился один из заимодавцев Основского и горячий энтузиаст самого Тургенева, которого он называл основателем русского женского Олимпа, населенного богинями непогрешимой нравственной чистоты и прямой, неуклонной воли, – именно известный умный, даровитый писатель Иван Вас. Павлов. Г. Павлов разорвал дружелюбные сношения с Тургеневым, не понимая, как можно потворствовать явному нарушению своих обязанностей и покрывать их молчанием и своим именем» [Анненков, 1983, с. 454].

Наконец, в орловский период Павлов сближается с П.В. Киреевским и становится его врачом в предсмертные дни. Видимо, он первым установил смертельный характер болезни, и В.А. Елагин писал в дневнике: «21-го Павлов объявил, что он опасен. 22-го <доктор> Майдель требовал консультации, сказал об этом самому больному» [цит. по: Литературное наследство, 1968, с. 70-73]. Павлов же описал и

¹ У И.В. Павлова был, видимо, брат Николай Васильевич, которому принадлежала деревня Лыково, 15 дворов, 141 душа [Агошков, 2012].

² См. комментарий к «Письму к издателю <“Колокола”>»: [Тургенев, 1988, с. 63]; см. также: [Мостовская, 1982, с. 145-158].

последние дни П.В. Киреевского в письме к А.И. Малышеву. Для нашего представления Павлова эти фрагменты стоит напомнить. Письмо не датировано, но написано, судя по содержанию, после смерти Киреевского. Павлов характеризует Киреевского как главу славянофилов, но при этом из славянофильства как движения изымается практически всё специфически славянофильское: «Славянофилы – немецкие дети слепорожденные, а от немецкой золотухи у них нос заложило, они обонять русской народности не могут, они вертят в одном кругу <...> они похожи на ту гоголевскую барышню (в “Портрете”), которая, увидев изображение дворника, восклицала с снисходительным восторгом и умилением: “Ах, мужичок! мужичок в русской рубашке!” Понимают они мужичка столько же, сколько и эта барышня, но снисходительность у них заменяется безусловным поклонением. Поклоняются же они ими же самими вымышленному идеалу и как истый сумасшедший оскорбляются всяким напоминанием о действительности <...> Я не даром назвал их слепорожденными... Славянофилы все консеквентные немцы, тупоумные вольфы <...> Лейбницем же был у них человек необыкновенный, малоизвестный в печати <...> человек, который был моим другом и наставником. Октября 26 дня его не стало! Уходила его, в моих глазах уходила отвратительная славянофильская семья... Ты, конечно, догадываешься, что я говорю о Петре Васильевиче Киреевском. Знаешь, Андрюша, каково я чадушко? И что значит иметь на меня влияние?.. И на меня – мужа развитого и укоренившегося – Петр Васильевич имел страшное влияние! Нравственное обаяние этого человека было неописанно... Пятна не было на душе его. <...>

Петр Васильевич ничего и не печатал, говорил мало, с запинкой и заиканием. Как же эти слепорожденные могли видеть главу своего, когда все они бойко говорят и пишут и стихами погромывают? Мы-де сами. Ты, я думаю, от меня первого слышишь, что не Иван, а Петр есть истинная глава славянофилов» [цит. по: Баландин, 1969, с. 106].

Судя по этому письму, Павлов понимает славянофильство как интерес к народной жизни и жизнь интересами народа, и этой второй составляющей он не видит у известных ему славянофилов. Славянофильство же как теоретическое, головное построение он отвергает.

Высшая точка литературной деятельности Павлова пришлось на 1859–1861 гг., когда он стал одним из редакторов и издателей еженедельной политической и литературной газеты «Московский вестник». Фактически же Павлов руководил газетой, где печатался под псевдонимами, в которых соединял свои профессиональные занятия лекаря и название своей усадьбы Оптухи (Л.; Лекарь Оптухин; Оптухин Л.; Оптухин) [Масанов, 1960, с. 355]. В «Московском вестнике» сотрудничали Тургенев, Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.И. Лажечников, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Б.Н. Алмазов, И.К. Бабст, М.Н. Лонгинов, А.Н. Плещеев. Наиболее активно переписывался Павлов с Тургеневым: обсуждал программу газеты [Тургенев, Письма, 1979, с. 345], отдельные произведения [Тургенев, 1980, с. 19, 184]. Тургенев обращался к Павлову как к врачу [Тургенев, 1980, с. 108], а лейтмотивом его писем были слова: «Очень бы хотелось Вас видеть и побеседовать с Вами»; «мне очень хочется видиться с Вами и потолковать о многом – перед моим отъездом в чужие края» [Тургенев, 1980, с. 29, 39].

Итак, собранный материал представляет Павлова как человека, которого можно определить словом *нигилист*. Но он нигилист не в том политическом значении, какое это слово получило под пером Д.И. Писарева, а в том классическом значении, которое сближает его со словом *киник*: парадоксальное злоречие, внешне грубое и якобы жестокое остроумие и радикальное настроение. Это был характер, который вскоре признали знаменем времени, социальным типом. Всё это следует учесть, возвращаясь к анализу повести Салтыкова «Жених».

3. Салтыков и повесть «Жених»

Теперь, наконец, следует свести вместе два эти вопроса: вопрос о фольклоризме повести и о посвящении ее Павлову. В 1840–1850-х гг. главными пропагандистами народной песни были славянофилы разных поколений и идеологических оттенков. Они не только профессионально собирали, изучали и пропагандировали народные песни, но и «непрофессионально» выражали эту любовь пением, что особенно было распространено среди молодого поколения, особенно в кружке «молодой редакции» «Москвитянина»

[Баландин, 1969, с. 47]. Аполлон Григорьев с гитарой, поющий Тертый Филиппов, который запомнился не одному А.Ф. Писемскому (Тертиев в романе «Взбаламученное море»)¹, – вот самые очевидные и самые яркие примеры.

С нашей точки зрения, повесть «Жених» представляет собой пародию на славянофильское песенное аматерство. Любовные томления капитана Махоркина можно было бы изобразить и без многочисленных народных песен. Следовательно, этот народно-песенный репертуар имеет самостоятельное значение. Салтыков снижает увлечение народной песней, свойственное дворянским кругам, далеким от народной жизни, и в этом состоит смысл включения народной песни (и собственно фольклорной и, как мы сказали бы теперь, массовой) в состав повести.

На этом фоне особое значение приобретает переписка Салтыкова с Павловым, фрагменты которой известны благодаря перлюстрированным копиям. Павлов, судя по всему, почти не общался с Салтыковым после выхода из лица, и первые шаги к возобновлению знакомства сделал, скорее всего, сам Салтыков, который освободился от принудительного служения в Вятке и искал службы в других городах в центре России. Первое из известных писем принадлежит Павлову и послано из Орла 13 августа 1857 г. В это время уже появились в печати первые рассказы из цикла «Губернские очерки», и Павлов активно использует образную систему Салтыкова. Но речевая манера у Павлова совершенно специфическая, незаемная:

«Гувернантки бывают с музыкой и без музыки, и дураки тоже бывают с музыкой и просто дураки. Тип дурака с музыкой – это граф Дмитрий Андреевич Толстой. <Н.П.> Вульф – дурак без музыки. Эти гораздо сноснее, потому что безвреднее. Его, вероятно, скоро сделают губернатором. Губернатор же наш <В.И. Сафонович> – это тип, какого в твоих очерках не встречается. Это петербургский понатершийся холуй, который, в сущности, гораздо бессовестнее Порфирия Петровича, но за веком следует: грабит не через правителя канцелярии, а через темного и грязного столоначальника губернского правления Игнатьева, который хотя в так называемый свет и не

¹ О Т.И. Филиппове как исполнителе народных песен см.: [Тюрина, 2006, с. 141-150].

показывается, но имеет дома, рысаков, любовниц. Все это знают; но ведь это не перед глазами, а где-то там – в людской. На показ же держатся юные университетанты – правитель канцелярии и чиновники по особым поручениям, люди благороднейшие и смиренные. Случалось ли тебе месяца два или три сряду раскладывать пасьянец одной и той же колодой второго разбора? Когда колода совсем засалится, она делается сносной, карты перестают липнуть, ими можно свободно орудовать, – колода перешла тогда в третий период засаленности. Второй период – самый ужасный! Ни стасовать, ни снять, ни карту выдернуть. Карты пристают и к рукам и одна к другой; ты грязь осызаешь, а на вид они будто чисты. Ко второму периоду засаленности принадлежат все петербургские холуи, рассылаемые на различные кормления по губерниям. И Михаил-Трофимычи и Пршикржецинские и Кржепржецинские – всё это второй период, самый отвратительный и неудобный для употребления. Наш Поганович (так зовет Сафоновича вся губерния) стоит во главе этих господ и стоит того, чтобы ты возвел его в „перл создания“. Я в последние четыре года много читал древних актов и пришел к следующему убеждению: сказание о призвании варягов есть не факт, а миф, который гораздо важнее всяких фактов. Это, так сказать, прообразование всей русской истории. “Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет”, вот мы и призвали варягов княжить и владеть нами. Варяги – это губернаторы, председатели палат, секретари, становые, полицеймейстеры – одним словом, все воры, администраторы, которыми держится какой ни на есть порядок в великой и обильной земле нашей. Это вся ваша 14-классная бюрократия, этот 14-главый змий поедучий, чудо поганое наших народных сказок. Змия этого выпустил Петр Великий на народность русскую за то, что она не укладывалась в рамки европейского государства. Только при помощи змия он одолел и сломал ее. Всё, что носит печать змия, обстоятельствами поставлено во вражду с народностью и само по себе с нею враждует. Стоит администраторам официально признать какое-нибудь народное учреждение, так оно тотчас же опохабится в глазах народа. Главная опора змия – это крепостное право, в котором закон освящает эксплуатацию человека человеком, произвол, насилие и грабеж. Всякий варяжский администратор действует, следовательно, в духе закона. Оттого

бессильны все нападки на взяточничество: и капнистова “Ябеда”, и гоголев “Ревизор”, и твои очерки – увы! Пока по закону существует крепостное право, до тех пор в сплошной твердыне взятки даже и бреши нельзя сделать» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 456].

Упоминаемые в письме Михаил-Трофимычи, Прикержецинские и Кржепржецинские заимствованы Павловым из рассказа Салтыкова «Неприятное посещение»: «Партию для его высокородия он <городничий> уж составил, и партию приличную: Михайло Трофимыч Сюртуков, окружной начальник, молодой человек, образованный и с направлением; ассессор палаты, Кшепшицюльский, тоже образованный и с направлением, и, наконец, той же палаты чиновник особых поручений Пшикшецюльский, не столько образованный, сколько с направлением. Все они согласны играть во что угодно и по сколько угодно» (2, с. 45). Порфирий Петрович – это заглавный герой рассказа в «Губернских очерках». И когда Салтыков называет этим же именем отца невесты в «Женихе», он, как представляется, возражает Павлову на его слова, что орловский губернатор Сафонович «гораздо бессовестнее Порфирия Петровича». Салтыков как бы утверждает, что новые черты, добавленные им в образ Порфирия Петровича, доказывают, что никого «гораздо бессовестнее Порфирия Петровича» на свете нет.

Салтыков отвечал Павлову 23 августа 1857 г., и отвечал по пунктам. Сначала – на неизвестный нам фрагмент письма Павлова, в котором шла речь о перемещении Салтыкова на службу в Орел: «Уж как бы хорошо было в Орел вице-губернатором, но вряд ли это может стать. Вульф известен и в министерстве не только как дурак, но даже просто как идиот. Да и это бы еще ничего, потому что глупость не только не мешает, но даже украшает губернаторское звание, как ты можешь убедиться, прочитав мою комедию “Просители”; но худо то, что у Вульфа протекции мало, вследствие чего он лишен всякой надежды на возведение в сан святительский. Участь Орла – претерпевать Вульфа до конца. Одно лишь средство есть: напустить на Вульфа бешеную собаку, чтобы она его укусила, и потом оставить его без врачебного пособия. С ума свести его нельзя, ну а взбесить, может быть, и можно. Да притом с таким губернатором, как теперешний, только и можно служить, бывши Вульфом. Ты представь себе меня на

месте Вульфа? Ведь бы горло перегрыз Игнатьеву, который, вдобавок, еще в губернском правлении и, следовательно, прямо под рукою вице-губернатора». Салтыков развивает принципы построения речи, предложенные Павловым, но при этом ссылается на свою комедию «Просители» из «Губернских очерков» в подтверждение той истины, что «глупость не только не мешает, но даже украшает губернаторское звание». Салтыков хочет сказать Павлову: я уже об этом написал.

Потом Салтыков отвечает на замечание Павлова, что в «Губернских очерках» нет такого типа, как В.А. Сафонович: «В моих “Богомольцах” есть тип губернатора, похожего на орловского. Ты представь себе эту поганую морду, которая лаконически произносит: “Постараемся развить”, и напиши мне, не чесались ли у тебя руки искровянить это гнусное отребье, результат содомской связи холуя с семинаристом?» (18-1, с. 178).

Наконец, Салтыков отвечает Павлову на гиперболический миф о варягах и разворачивает этот ответ гораздо пространнее, чем два предыдущих: «И вот каковы наши варяги! Не взяточничество страшно, а это торжественное признание себя холопом, это холуйское самодовольство, защищенное от палки недосыгаемостью запяток.

Твоим мифом о призвании варягов я намерен воспользоваться и устрой черк под заглавием “Историческая догадка”. Изложу ее в виде беседы учителя гимназии с учениками.

В pendant к этому будет у меня история о том, как Иванушку-дурака за стол посадили, как он сначала думает, что его надувают и т. д. Выйдет недурно... <...>

Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития: а реформа-то Петра, ты видишь, какие результаты принесла. Господи, что за пакость случилась над Россией? Никогда-то не жила она своею жизнью: то татарскою, то немецкою. Надо в удельный период залезать, чтобы найти какие-либо признаки самостоятельности. А ведь куда это далеко: да и не отскоблишь слоев иноземной грязи, насевшей, как грибы, на русского человека» (18-1, с. 178-179).

Салтыков вновь стремится утвердить себя в глазах Павлова в качестве писателя: он напишет и очерк «Историческая догадка», и в пару к нему историю об Иванушке-дураке. Салтыков только входит в литературу, и, несмотря на зрелый возраст (тридцать один год), он еще не имеет стабильной литературной репутации. А Павлов – убежденный поклонник и близкий знакомый уже увенчанного читательским признанием Тургенева. Более того, Павлов – это только второй адресат Салтыкова из литературной среды (первым был А.В. Дружинин). Потому Салтыков настойчиво говорит: об этом я написал, об этом тоже написал. Салтыков ищет всякого рода опоры для своего литературного статуса, почему и посвящает журнальную публикацию рассказа «Богомольцы, странники и проезжие» из «Губернских очерков» С.Т. Аксакову, чье творчество, как писал Салтыков самому маститому писателю 31 августа 1857 г., повлияло на его произведение (18-1, с. 181-182). Впрочем, это посвящение Салтыков снял при перепечатке рассказа уже в сентябре 1857 г. в отдельном издании «Губернских очерков».

Признание Салтыкова, что он «сильно гнет в сторону славянофилов», нужно осмыслять не изолированно, а в контексте того мифа о призвании варягов, которое изложил Павлов. И мы еще к этому вернемся.

Свой ответ Салтыкову от 28 августа 1857 г. Павлов начал с той части письма Салтыкова от 23 августа, которая нам неизвестна и в которой говорилось о книге К.Д. Кавелина «Областные учреждения в России XVII века» (М., 1856): «Ну, об областных учреждениях. Где брали больше взятки – у нас или на Западе? Это бабка надвое сказала. Сотрудников “Вестника” сдуру пугает слово кормление... Да ведь воеводы жалованья-то не получали. Просим же мы теперь хорошего местечка, “чтобы жить было чем”. В русском народе существует исконный обычай платить как за административный и судебный акт чиновнику, так и за духовно-обрядовой священнику не огулом, а в разноту. Что ж тут дурного? Конечно, от необразования нашего всякий стремится захватить побольше. Но медики и до сих пор на таком положении и во всем образованном мире. А что, братец, мне хочется об этом статейку тиснуть в “Современнике” – а? Помести, голубчик, постараюсь написать гладко. Главное дело, мне хочется провести ту мысль, что истинный родоначальник современного взяточничества

есть Петр I: 1) он завершил крепостное право своим указом о первой ревизии; 2) он уничтожил плату в разноту и стал платить от правительства гулом ничтожнейшее жалованье. Как будто труд не тот же товар, которому цену бог строит? Какой черт заставит меня продать рожь по рублю, когда ей цена четыре? Какой черт заставит секретаря гражданской палаты трудиться на 10 000, а получать только 500? Ведь это всё от тупости не понимается. Истинно ты прав, что – эпидемия. Что я буду за свинья, коли, совершая купчую, не заплачу за мастерство в составлении акта секретарю и надсмотрщику, а за чистую переписку канцелярскому, чтобы он мне дорогого листа не испортил? Что я буду за скотина, коли, желая взыскать с соседа за потраву моих земель, выпишу станového за тридцать верст по бездорожью и не заплачу ему за визит? Ты скажешь, что он по закону обязан. Да ведь это бессмыслица! И мужик по закону обязан для меня проливать кровавый пот. Это уж совсем “rag amour”, а чиновник почти “rag amour”, как полпивные бл... Нелепо! Помести, голубчик, статейку... я напишу <...> Я Петра признаю за великого гения, а реформу его за временное политически необходимое объявление России на военном положении. В высшей степени нелепо продолжать военное положение целые века и еще нелепее видеть в нем альфу и омегу нашего исторического развития. Чтобы шагнуть от Нарвы до Полтавы, может быть, всё это и нужно было, да теперь-то не нужно! Это всё твой “Вестник” шелудит. Экая скотина!

Ежели бы Петр I теперь восстал от мертвых, он бы их всех палкой отдул. Видишь ли, для сплочения государства и расширения его до естественных географических пределов нужна была не только военная армия, но и армия штатская, этот четырнадцатиголовый змий поедучий, который, как всякая армия, не разделял бы интересов народа, а был бы душой и телом предан начальству. Ему и грабить было необходимо – это фуражирство. Но всё это на время, пока нужда была. Прошла нужда, армия распускается, расходы сокращаются. Одно, признаюсь, не понимаю – это треклятого прикрепления человека к земле. Неужели без него нельзя было обойтись? Мне кажется, об этом Петр не подумал, просто маху дал. За государством не видал человечества...

Так вот я какой антипетрист, понимаешь?» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 459-460].

Павлов в этом письме просит Салтыкова помочь напечатать его статью в «Современнике», что комментаторы называют не вполне понятным, поскольку отношения Салтыкова с журналом Некрасова летом 1857 г. только формировались. Но стоит соотнести активную переписку Салтыкова с Павловым и сдачу в «Современник» повести «Жених», посвященную тому же Павлову, как всё становится совершенно ясным: и время работы над повестью, и причины посвящения ее Павлову. Если нижняя граница работы определяется временем цензурного разрешения (30 сентября), то верхняя граница – это время общения с Павловым. Именно в активном общении с ним и была написана повесть. И Павлов, судя по этому письму, знал о том, что Салтыков пишет нечто для «Современника» по предложению самого Некрасова, потому и просил его о протекции.

Салтыков отвечал Павлову на его письмо 15 сентября 1857 г.:

«Вот ты ругаешь Петра за крепостное состояние и за бюрократию, однако ж и оправдываешь его обстоятельствами времени; а я так и того не делаю, а просто нахожу, что это был величайший самодур своего времени. Если бы он видел только временную необходимость в четырнадцатиглавом змие, то понимал бы, что всякое осадное состояние когда-нибудь снимается же; а он нас обрек на вечное рабство или вечную революцию. Маху давать в таком деле нельзя, и я нахожу, что настоящее положение дела есть не что иное, как логическое развитие мысли Петра. Вспомни, что он учредил наших преторианцев, которые полвека глумились из Петербурга над Россией, возводя то браунгшвейгцев, то голстинцев.

Нет, воля твоя, а таким образом нельзя благодетельствовать отечеству. Петру просто по нраву пришлись заморские обычаи, а он и ну гнуть в эту сторону, благо материал попался способный. Слова нет, хороши обычаи, но ведь они слились бы с нами естественным порядком, и тогда бы не было того странного раздвоения, которое теперь в России» (18-1, с. 183-184).

В принципе, Павлов и Салтыков трактуют личность и историческое значение Петра I достаточно сходно. Только Павлов, как обычно бывает, виляет между альфой и омегой, стремясь быть объективным. С одной стороны: «За государством не видал

человечества»; а с другой: «Я Петра признаю за великого гения, а реформу его за временное политически необходимое объявление России на военном положении». Салтыков же радикально отказывает в величии политическому деятелю, который построил свои реформы на нарушении прав человека. Салтыков не стремится к исторической «объективности», потому что эта «объективность» приводит к оправданию «величайшего самодура своего времени». Радикализм Салтыкова и метание между *да* и *нет* Павлова очень скоро разведут бывших единомышленников. И именно радикальное неприятие деятельности Петра, утвердившего личную зависимость человека от государства, и сблизает Салтыкова в конце 1850-х гг. со славянофилами. Не положительная программа славянофильства была близка Салтыкову, а критическая оценка деятельности Петра и оценка современного состояния России как следствия петровских реформ. Макашин писал, что, «не разделяя общей исторической концепции славянофилов, Салтыков отчасти усвоил из нее отрицательную оценку деятельности Петра I и его реформ» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 454]. Но главное отличие нашей трактовки проблемы от утверждения Макашина состоит в том, что Салтыков не усваивал ничего и ни от кого, но у других авторов он находил близкое, родственное ему, и потому мог говорить: «...я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления. В нем одном есть нечто похожее на твердую почву, в нем одном есть залог здорового развития». Это не учеба у славянофилов, а объединение со сходной идеологической позицией. И.С. Аксаков на вопрос А.С. Суворина об этом «славянофильском» признании Салтыкова писал 2 октября 1884 г.: «То, что вы сообщаете о Салтыкове, – меня не удивляет. Он был в приятельских отношениях в те годы со мной и с братом, навещал покойного отца и близок был к нашему направлению» [Письма русских писателей к А.С. Суворину, 1927, с. 20]. Но это, разумеется, ничего не объясняет. Салтыков был на самом деле «в приятельских отношениях», но не с Константином, а только с Иваном Аксаковым, он на самом деле «навещал покойного отца» их, но никакой близости во взглядах у него с ними не было.

Славянофильские замашки не были свойственны и издателям «Московского вестника», о чем свидетельствует одно недатированное

письмо Павлова к Основскому: «Сейчас получил письмо из Петербурга. Чернышевский с радостью взялся написать нам несколько статей, только с тем условием, чтобы никто из славянофилов у нас не участвовал. Моя статья ему очень понравилась» [цит. по: Письма русских писателей к А.С. Суворину, 1927, с. 20]. Желание Чернышевского сформулировано так, что не возникает никаких сомнений в том, что Основский и Павлов разделяют его позицию. Сходство же позиций Павлова и Салтыкова мы уже выявили.

Павлов и Салтыков в силу своей ученической близости настолько доверяли друг другу, что позволяли себе в переписке вольности на грани допустимого, как теперь можно было бы сказать – на грани фола. Вообще о письмах Павлова можно сказать вслед за А.Н. Плещеевым: «Анекдотов в этом письме бездна и преуморительных; вообще всё письмо написано чрезвычайно юмористически и зло. На это он мастер...» (письмо к В.Д. Дандевиллю от 18 января 1854). Это свойство он сохранил до конца жизни, и Плещеев в 1885 г. писал: «Очень постарел “физически”, но нравом всё тот же, и несмотря на свое “генеральство” ни на волос не чиновник; и всё такой же юморист и анекдотист; и такой же охотник до необычайных рифм» [Литературный архив, 1961, с. 216, 265]. Точно так же можно сказать и о Салтыкове, который принял эту манеру частной переписки и развил ее в своих «мушкетерских письмах» [Строганова, 2013, с. 28-52]. Можно даже предположить, что первые «мушкетерские письма» Салтыкова были адресованы тому же Павлову, который в период подготовки «Московского вестника» писал Основскому 13 октября 1859 г.: «Очень хорошо чувствую, что вся штука в названии статей, которыми можно похвастаться в приличном объявлении, и потому предупредил твое желание: Салтыкову написал напрямик: “Сообщи название”. А Ивану Сергеевичу послал твое объявление и копию с прилагаемого сокращения... <...>

Посылаю тебе салтыковское письмо... Разделение генералов забавно. Ежели Иван Сергеевич и действительно генерал-инкогнито, то ему позволительно: из пишущей братии кто же ему по колено подходит? А в Салтыкове, как видишь, говорит болезненное самолюбие. Письмо его, пожалуйста, никому не показывай» [Неизданные и несобранные письма, 1959, с. 461]. Судя по этим словам, Салтыков написал нечто остроумно-злое о Тургеневе как

литературном «генерале-инкогнито», но Павлов, считавший, что «из пишущей братии» никто ему «по колено» не подходит, оценил это письмо как проявление «болезненного самолюбия».

Салтыков, можно сказать, учился у Павлова злой и язвительной речи, которая у него самого в конце 1850-х гг. только формировалась. Когда политические пути бывших единомышленников разошлись, Салтыков в публицистическом цикле «Наша общественная жизнь» (сентябрь 1863 г.) писал о Павлове так, как будто не был знаком с ним лично: «В газете “День” некто г. Оптухин, малоархангельский обыватель, весьма язвительно назвал поляков “коллективную Мариной Мнишек”, готовую из-за почестей разделять ложе с кем угодно, и изъявил предусмотрительную надежду, что ежели на будущее время встретится надобность рекомендовать полякам посетить восточную Россию, то они будут размещаемы в тамошних крепостях отдельно от командированных туда же и для той же надобности русских, потому что, в противном случае, первые непременно заразят последних, и пойдет это у них “гей! надзея еще с нами!” и Мицкевичев краковяк». Салтыков цитирует здесь статью Павлова: «Не дай бог теперешней русской молодежи, где-нибудь в дальней восточной крепости, сойтись с новооконфирмованными и арестантами из поляков. Пойдет это опять: “Гей, надзея еще с нами” да Мицкевичев краковяк» [Оптухин, 1863]. Салтыков продолжает: «Это последнее замечание вызывает невольную улыбку гордости в русском читателе. В самом деле, как подумаешь, каких нет на свете смешных наречий и говоров! Возьмите, например, те же самые слова и переведите по-русски, выйдет: “да! надежда еще с нами!” ведь ничего! между тем по-польски... Господи! да одна эта ужасная “надзея” чего стоит! “Надзея”! ну-тко еще! “Надзея”! – ох, прах тебя побери! да тут животики от уморы надорвешь!» (6, с. 125). Салтыков не принимает чувство национального превосходства, тем более если оно выражается таким низкопробным способом. Но «коллективная Марина Мнишек» звучит как синоним появившейся позже в «Истории одного города» «опчественной кружки».

Эволюция Павлова после 1861 г., которая привела его к ряду охранительных выступлений во время польского восстания 1863 г., его участие в поздних изданиях славянофилов должно стать предметом

самостоятельного исследования. И оно для нас не менее интересно, так как, хотя сотрудничество Салтыкова с Павловым прекращается, личное общение продолжается до конца жизни Салтыкова. В частности, Павлову адресовано одно из «мушкетерских писем» от 27 ноября 1878 г. по поводу назначения Т.И. Филиппова на должность товарища государственного контролера: «Сидим мы с Унковским и удивляемся: как это ты так нерасторопен, братец! Третий вот уж с месяц как назначен, а ты и до сих пор с поздравлением не бывал! В прошлый сезон мы с ним в сибирку игравали, а нынче думаем: вот кабы Павлов приехал, он бы к нему съездил, а от него к нам, – всё бы хоть частицу аромата с собой принес» и т.д. (19-1, с. 89-90).

Повесть «Жених» – вовсе не такое слабое произведение, как это принято повторять. Салтыков искал новую манеру письма, которая выразилась прежде всего в гротескном образе Махоркина. Салтыков искал новые формы сатирического осмеяния искусственной любви к народу, для которого он использовал популярный песенный репертуар эпохи. Повесть «Жених» – это очень интересный эксперимент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агошков, В.И. Становой Колодезь. И.В. Павлов / В.И. Агашков. – [Электронный ресурс], – URL: <http://www.proza.ru/2012/04/09/2170>.

Анненков, П.В. Литературные воспоминания / П.В. Анненков. – М.: Художественная литература, 1983. – 694 с.

Баландин, А.И. П.И. Якушкин. Из истории русской фольклористики / А.И. Баландин. – М.: Наука, 1969. – 336 с.

Великорусские народные песни / Сост. А. И. Соболевский. – СПб.: Гос. тип., 1896. – Т. II. – XVI, 588 с.

Великорусские народные песни / Сост. А. И. Соболевский. – СПб.: Гос. тип., 1899. – Т. V. – XVI, 644 с.

Герцен, А.И. Собрание сочинений: В 30 т. / А.И. Герцен. – М.: АН СССР, 1954. – Т. 2: Статьи и фельетоны. 1841–1846. Дневник. 1842–1845. – 516 с.

Гришунин, А.Л. Примечания / А.Л. Гришунин // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Сочинения. Т. 3. – М.: Наука, 1979. – С. 487-493.

Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. – М.: Наука, 1974. – [Т. 1:] 1812–1850. – 612 с.

Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 1. – 581 с.

Литературное наследство. – М.: Наука, 1968. – Т. 79: Песни, собранные писателями. – 680 с.

Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – Т. 6. – 482 с.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин: Биография. I / С. Макашин. – М.: ГИХЛ, 1949. – 512 с.

Макашин, С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х годов: Биография / С. Макашин. – М.: Художественная литература, 1972. – 600 с.

Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / И.Ф. Масанов. – М.: Книжная палата, 1960. – Т. 4. – 558 с.

Милюгина, Е.Г., Строганов, М.В. Гений вкуса. Н.А. Львов: Итоги и проблемы изучения / Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2008. – 278 с.

Львов, Н.А. Письмо к П. Л. Вельяминову / Н.А. Львов // Московский журнал. – 1791. – Ч. IV. – С. 98-99.

Мостовская, Н.Н. И.В. Павлов – корреспондент Тургенева / Н.Н. Мостовская // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Ред. М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1982. – С. 145-158.

Народные песни Вологодской и Олонецкой губернии, собранные Ф. Студитским. – СПб.: Тип. Бородина, 1841. – 116 с.

Неизданные и несобранные письма Салтыкова / Публикация С.А. Макашина // Литературное наследство. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 67: Революционные демократы. – С. 449-536.

Новейший и полный российский общенародный песенник... / Сост. А. Капустин. – М.: В Университетской тип., 1810. – XIV, 391 с.

Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин, или Собрание лучших песен с объяснением содержания и голосов оных и с присовокуплением приличных каждой

песни девизов в стихах: 3 ч. / [Сост. М.И. Маклаков]. – Орел: В типографии И. Сытина, 1821. – Ч. 3. – 244, VIII с.

Оптухин, Л. Письма из провинции / Л. Оптухин // День. – 1863. – № 31. – 3 августа. – 16 с.

Оренбургская Шевченковская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/enciklopedii/ose/p.php> (5.09.2015).

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Ред. М. Н. Сперанский. – М.: Общество любителей российской словесности при Моск. ун-те, 1917. – Вып. II. Ч. 1. – IV, 125 с.

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. – Петрозаводск: В губ. тип., 1864. – Ч. 3: Народные былины, старины, побывальщины и песни. – 460, LXXI с.

Письма русских писателей к А.С. Суворину. – Л.: Изд. Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, 1927. – 228 с.

Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным: В 3 кн. – М.: Тип. Селивановского, 1833. – Кн. 1. – 143 с.

Т.Г. Шевченко. Письмо К.И. Герна к М.М. Лазаревскому // Русский архив. – 1898. – Кн. 3. – № 12. – С. 550–555.

Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. – [СПб.]: Тип. Горного училища, 1790. – Ч. I. – XVIII, 192 с.

Собрание русских народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части: В 2 ч. – СПб.: Тип. И.К. Шнора, 1806. – Ч. I. – XII, 79 с.

Современник. – 1848. – № 9. – Раздел 3. – С. 1-49; № 10. – С. 85-139; № 12. – С. 95-138.

Строганова, Е.Н. «Мушкетерские» письма М.Е. Салтыкова / Е.Н. Строганова // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Книга первая / Сост., вступ. статья, коммент. С.Ф. Дмитренко. – СПб.: РХГА, 2013. – С. 28-52.

Терещенко, А.В. Быт русского народа / А.В. Терещенко. – М.: Тип. Военно-учебных заведений, 1848. – Ч. 4. – 335 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 3 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1979. – 526 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Т. 12 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1986. – 814 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 3 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1979. – 702 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 4 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1980. – 767 с.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5 / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1988. – 640 с.

Тюрина, Н.В. Т.И. Филиппов и его собрание русской народной песни / Н.В. Тюрина // В.И. Симаков и народное творчество: Материалы и исследования: Вып. 3. – Тверь: Марина, 2006. – С. 141-199.

Успенский, Николай. Повести. Рассказы и очерки / Николай Успенский. – М.: ГИХЛ, 1957. – 655 с.

Цыганов, Н.Г. Ах, спасибо же тебе / Н.Г. Цыганов // Московский вестник. – 1828. – Т. XI. – № 18. – С. 100.

Цыганов, Н.Г. Стихотворения / Н.Г. Цыганов // Песни и романсы русских поэтов / Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Е. Гусева. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. – 1119 с.

Чулков, М. Собрание разных песен / М. Чулков. – СПб.: [Тип. Морского кадетского корпуса], 1773. – Ч. 2. – 256 с.